

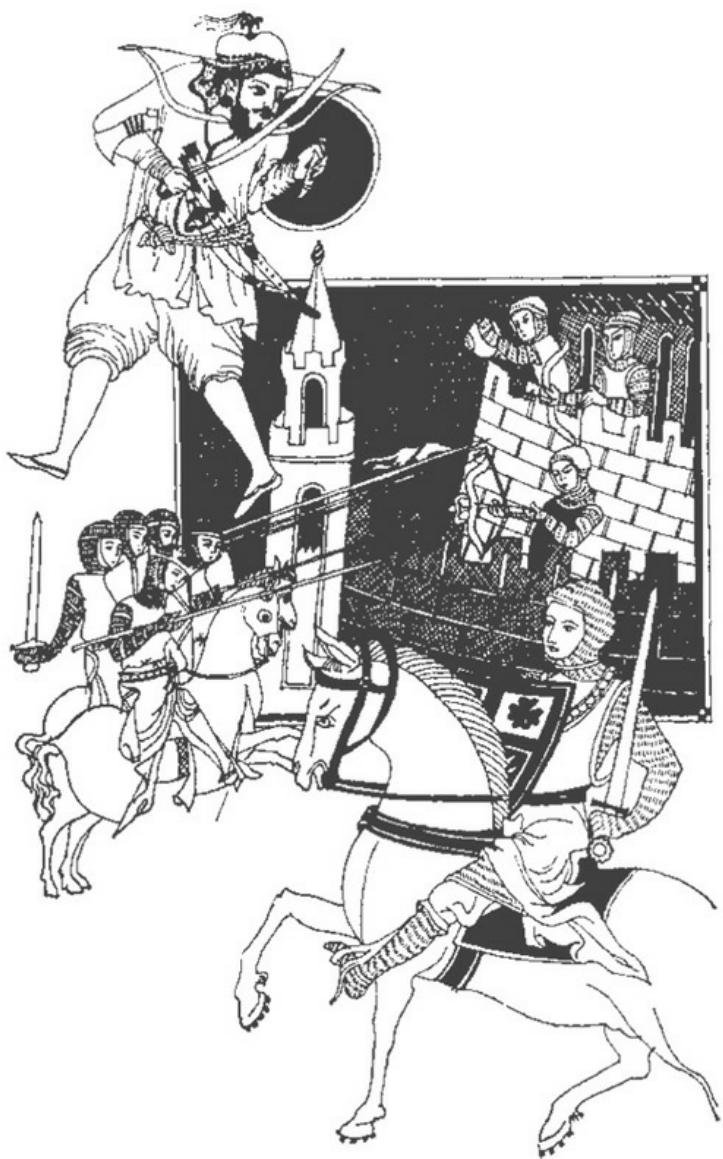
ИГОРЬ МОЖЕЙКО

1185 ГОД

Серия «Диалог»

*При информационной поддержке главной книжной
социальной сети Рунета www.livelib.ru*

Игорь Можейко — это на самом деле классик отечественной фантастики Кир Булычев. Вернее, наоборот: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Игорь Всеволодович Можейко под псевдонимом Кир Булычев писал фантастику. А под своим настоящим именем публиковал книги по русской и всемирной истории. Перед вами одна из лучших — «1185 год». Действующие лица: князь Игорь, Ричард Львиное Сердце, Чингисхан, Барбаросса, царица Тамара — великие правители, великие современники. Эту книгу автор мог подписывать обеими своими фамилиями. Потому что исторически — все безупречно точно. А интересно — совершенно фантастически. Кир Булычев позавидовал бы.

ВСТУПЛЕНИЕ

История стран и народов подобна рекам. Эти реки текут во времени, становясь шире, принимая притоки, проносясь порой в стремнинах, а иногда разливаясь.

Между реками — водоразделы. С ходом времени, а может быть, из-за того, что реки делаются шире, расстояния между ними уменьшаются. Возможно, в будущем реки сольются в общий океан. И тогда будет просто Человечество.

Изучение истории обычно построено как путешествие по той или иной реке. Мы словно исследуем особенности ее течения, состав воды, смотрим, как часто мелькают по берегам верстовые столбы дат. Заглядываем через водораздел мы чаще всего тогда, когда народы сражаются, когда армии вторгаются на чужие территории. Но наступил мир, миновало наводнение, и снова река вошла в берега.

Человечество, хотя и разделенное на народы, движется по своим рекам синхронно.

Из этого образа возникло желание нарушить привычный ход путешествия. Возникло оно случайно. Читая один исторический труд, я увидел знакомое имя — Владимир Галицкий. Персонаж оперы о неудачливом князе Игоре. В труде говорилось, что, враждуя с галицкими боярами, Владимир обратился за помощью к императору Священной Римской империи Фридриху Барбароссе и тот помог князю. Фридрих же спешил на юг, к Иерусалиму, чтобы встретиться там с Ричардом Львиное Сердце. И тут мне пришло в голову, что я, историк, никогда не задумывался над тем, что Ричард Львиное Сердце и князь Игорь были современниками и имели общих знакомых. Я, конечно, должен был знать, что они современники: для этого достаточно было вспомнить даты их жизни, но, так как эти люди были обитателями разных речных долин, в сознании они не связывались.

Подобное заблуждение невозможно, когда вспоминаешь, к примеру, о Кутузове и Наполеоне, Пушкине и Байроне, Эйнштейне и Боре. За последние сто-двести лет водоразделы значительно сузились, и, чем ближе к современности, тем яснее общее движение истории. Но продвинемся в прошлое, к истокам рек, — там, если еще раз обратиться к придуманному мною образу, реки разделены горами и дремучими лесами. Впрочем, так ли уж были непроходимы водоразделы?

Мы спесивы. Мы горды тем, что пользуемся телефоном и смотрим телевизор, можем долететь за несколько часов от Москвы до Нью-Йорка, а подняв глаза к небу, видим спутник

Земли. От этого проистекает в определенной степени недоверие к нашим предкам. Мы с сомнением относимся к их знаниям и их мыслям. У них же не было телефона!

В этом отношении любопытен феномен инопланетных пришельцев. Еще сто лет назад никому не приходило в голову ставить под сомнение искусство строителей Древнего Египта и Ливана, астрономические познания народа майя или выучку индийских металлургов древности, создавших железную колонну близ Дели. Но в последние десятилетия появилось множество теорий, авторы которых, ссылаясь на эти великие достижения наших предков, утверждают, что некогда Землю посещали инопланетяне.

Популярность таких теорий объясняется, на мой взгляд, двумя причинами. Первая не имеет отношения к теме этой книги. Она касается области массового сознания, массовых суеверий: джинны и ведьмы, лешие и привидения в наш трезвый век переоделись в наукообразные одежды и превратились в экстрасенсов и пришельцев из космоса. Вторая причина нам ближе. Она кроется в неправильно понимаемом смысле прогресса. Прогресс технологический, прогресс социальный еще не означает прогресса умственного. Объем мозга человека со времен кроманьонцев не изменился, принципы его функционирования — тоже. Менялись образ мышления, отношения с окружающим миром, но не уровень индивидуального сознания. Леонардо да Винчи был бы великим ученым и художником и сегодня. Но иное бы изобретал и иные полотна писал.

В древнем мире избыточный продукт использовался, по современным меркам, нерентабельно. Возвеличивая правителя или бога, подданные строили громадные гробницы и храмы, не имевшие утилитарного (с нашей точки зрения) назначения. Однако это не означает, что человечество, продвинувшись по пути прогресса, перестало возводить гигантские сооружения во славу гордыни и тщеславия. Просто процент от общих сил общества, уходящий на это, резко снизился. Талантливый экспериментатор давних веков не мог заняться ядерными реакциями, но сфера применения для его таланта существовала: он рассчитывал пирамиду Хеопса или фундамент храма Дианы Эфесской. Мыслитель мог провести жизнь, доказывая возможность размещения двадцати ангелов на острие иглы, и делал это очень талантливо. И бессмысленно (с нашей точки зрения). Но таков был осознанный социальный заказ.

Когда же мы сегодня распространяем торжество технологического прогресса на всю умственную деятельность человека, неизбежно возникает убеждение в том, что мы умнее наших предков.

На такой почве вымыслы сторонников инопланетного происхождения памятников земной цивилизации дают быстрые и пышные всходы. Плиты в основании Баальбекского храма весят тысячу тонн, — разумеется, наши предки никогда не смогли бы дотащить их до места. Ведь даже нам это сложно сделать. Значит, тут побывал добрый инопланетный дядя. Колонна в Дели не ржавеет тысячу лет? А у меня автомобиль на третий год проржавел. Значит, добрый инопланетный дядя отлил эту колонну. В Южной Америке в пустыне Наска кто-то когда-то изобразил громадные фигуры животных. Увидеть их целиком можно только с неба. Значит, их делали пришельцы или для пришельцев. И так далее...

И начинается грабеж собственного прошлого. Прошлого, в котором строители знали и умели очень многое, располагая к тому же практически неограниченными резервами мускульной силы рабов. Им приказывали создавать великие сооружения. И они столетиями отработывали приемы и методы такого строительства — и были притом не глупее нас с вами. Metallурги прошлого тоже умели многое. Мы до сих пор стараемся открыть секрет булатной стали, пользуясь тончайшими лабораторными методами. Metall был нужен для войн. Железо в Индии было в древности дешевле, чем в Европе, но и там оно было очень дорого. Спесь очередного тирана могла удовлетворить шестиметровая колонна из железа. И он приказал ее сделать. А специалисты тогда были. Только не инопланетные, а обыкновенные. О нетленности колонны в Дели много говорят. Но лишь недавно metallурги обнаружили, что она не литая, а склепана из кусков, что metall в ней вовсе не чистый, что подземная часть колонны проржавела на глубину десять сантиметров, что кусочки metallа, отрубленные от колонны и перенесенные в места с более влажным климатом, благополучно и быстро корродировали.

Размышления о людях и талантах прошлых веков привели меня к желанию не только заглянуть в те времена, но и нарушить закон плавания по рекам: пересечь водоразделы, шагая поперек течения рек, то есть оставаясь в пределах узкого отрезка времени.

Мне захотелось увидеть и показать читателю мир одного года (или нескольких лет), но не сегодняшний и не близкий нам по времени, а отдаленный, тот самый мир, к которому мы испытываем чувство снисходительности, мир, в котором не пользовались телефоном. Мне захотелось показать читателю, что великие мыслители и художники, воины и поэты далекого прошлого были частицами человечества, пусть и разделенного горами и лесами. Мне захотелось показать, что деление истории народов на изолированные потоки — условность и что картина мира в целом не только интересна, но и поучительна. Для тех же, кто не любит историю за то, что в ней много дат и их надо зубрить, я сделаю большую поблажку. Дата будет одна: мир такого-то года.

Следующий этап, предшествовавший работе над этой книгой, заключался в решении нелегкой задачи: какой год избрать?

Мир расцвета античной культуры?

В нем есть явная неуравновешенность. Мы многое знаем о Древней Греции, о Риме, зато мир за их пределами, за исключением Китая, где существовала традиция летописания, малоизвестен; к тому же во многих частях Земли в силу неравномерности развития цивилизаций социальные общества лишь начинали зарождаться. А это значит, что путешествие через водоразделы будет относительно коротким.

Мир после падения Римской империи?

Это мир взбаламученный, мир движения народов, неустойчивый и почти лишенный письменных источников.

Средневековье?

К нему издавна принято относиться плохо. «Мрачное Средневековье». «Средневековые порядки». «На смену тьме Средневековья приходит светлое время Возрождения». Средневековье в нашей памяти связывается с инквизицией, монгольскими завоеваниями, чумой, беззаконием... Пропустим пока это время и заглянем в эпоху Ренессанса.

И тут же становится ясно, что она для нашей цели слишком близка. Гении и знаменитости этого времени широко известны, великие географические открытия описаны, полотна художников тысячи раз репродуцированы. С Ренессанса начинается та история человечества, к которой мы уже относимся всерьез. Гиганты Возрождения признаны нами как гиганты общечеловеческие. Мир уже связан знаменитыми плаваниями Колумба, Васко да Гамы и Кабрала. Магеллан уже доказал всем, что Земля круглая.

Преимственность деяний четко прослеживается в последующие эпохи. За Магелланом придет Фрэнсис Дрейк, за Дрейком — капитан Кук. От Кука уже недалеко до Крузенштерна. Европа начинает диктовать миру свои законы.

Описать любой год Возрождения исследователю, с одной стороны, легче, потому что идешь проторенными путями, но с другой — сложнее, ибо найти новое на столь изученных дорожках трудно.

Пришлось вернуться в прошлое, в «темное» Средневековье.

Хотелось увидеть мир более или менее стабильным, чтобы он хоть немного попозировал перед объективом. Значит, верхним рубежом такого периода станет монгольское завоевание, которое кардинально и надолго нарушило естественный порядок вещей. Тогда искомый год надо выбирать в десятилетиях, предшествовавших монгольскому завоеванию. Забираться далеко в глубь Средневековья опасно: письменные источники с каждым десятилетием становятся все более скудными и ненадежными, ценность же исследования находится в прямой зависимости от его достоверности. Чем меньше домысливаешь, тем цельнее и достовернее картина.

Осталось уточнить дату.

Что взять за отправную точку?

Падение Иерусалима? Смерть Фридриха Барбароссы? Или какую-нибудь известную дату русской истории?

А почему не остановиться на событии, незначительном для мировой истории, но силой литературы ставшем вехой в истории нашей страны?

В 1185 году князь Игорь потерпел поражение от половцев и был взят ими в плен. Обычная, одна из многих, пограничная война. Русские княжества и половецкая степь. Но это событие послужило причиной создания первой дошедшей до нас русской поэмы, первого великого произведения русской литературы. Неизвестный поэт писал эту поэму как пророчество. Словно заглянул в будущее на полвека, словно увидел причину скорой трагедии русских земель. Ужаснулся, закричал, но не был услышан.

1185 год...

Относительное затишье. Не только в Европе, но и в Азии — в Китае, Индии, Иране. Мир разобщен, суров, но чем более вглядываешься в его жизнь, тем более богатым и разнообразным он представляется. И тем яснее понимаешь, что его невозможно охватить и описать целиком.

Путешествие через водоразделы приведет к тому, что на некоторые реки мы лишь взглянем, переправляясь через них, на берегах других задержимся. Ведь это не строго научное исследование, а рассказ о людях, которые жили, страдали, любили, умирали восемьсот лет назад¹.

Когда пишешь историческую книгу, независимо от степени ее научности и важности проблем, о которых там говорится, в ней, на мой взгляд, обязателен сюжет, схема, конструкция повествования. Бывает, что сама по себе проблема уже достаточна для построения конструкции. Например, если объект книги человек. В исследовании об Александре Македонском само движение его личности во времени и в пространстве является сюжетом.

История, естественно, более других наук связана с течением времени. И потому временной стержень — основа всякого сюжета исторического труда.

Иначе получается с этой книгой.

Цель ее — дать временной срез, то есть показать, что происходило в мире в исторически короткий промежуток времени. Практически одновременно. Таким образом, время как основа схемы исчезает. Оно начинает действовать лишь внутри каждой главы, причем всякий раз приходится начинать с определенной, наиболее приемлемой хронологической точки и проходить относительно короткий путь с героями этой главы.

Но тогда встает вопрос: как превратить набор сюжетов в единое повествование?

Выход один — организовать главы в пространстве, географически.

Сначала я хотел ввести в книгу воображаемого путешественника, который движется от реки к реке и наблюдает события. Однако от этой идеи пришлось отказаться. Путешественник XII века передвигается медленно. Скажем, путь от берегов Англии до Японии или Явы займет годы. Поэтому он не в состоянии находиться в нужном месте в нужный день или месяц. Между тем события, ограниченные 1185-м и ближайшими к нему годами, происходили одновременно в разных концах планеты.

Даже писем путешественник получать не сможет, так как письма будут двигаться с той же скоростью, что и он сам.

В итоге путешественник остался дома, но размышления о нем натолкнули на другую возможность построения книги. Ведь мир XII века был связан торговыми путями. Бывают

такие кочующие проселочные дороги в плоской степи. Если посмотреть на нее с высоты, то увидишь, что она состоит из множества колеи; некоторые уже заросли травой, другие основательно протоптаны; тропки ответвляются от дороги во влажных низинах и вливаются в нее вновь через несколько метров или бегут к недалекой деревне; иногда дорога превращается в широченную многоколейную полосу, а порой сужается до одной колеи.

Вот таким мне видится Великий торговый путь Средневековья.

Он непостоянен. В зависимости от политических условий, от возникновения и гибели государств, от войн и разбойничьих набегов колеи его смещаются, порой возникают дальние объезды. Но что бы ни происходило в мире, товары с одного конца Земли требовались в другом, и потому Великий торговый путь был всегда.

Пусть же он и станет пространственным стержнем, на который будут нанизаны главы этой книги.

Великий торговый путь — иногда его именуют и Великим шелковым путем — существовал много столетий. От Восточного Средиземноморья через Сирию он тянулся к Ирану, где издревле были устроены колодцы и водоемы для караванщиков, оттуда вел к Бухаре и Самарканду (кстати, лучшие шелка вырабатывались тогда не только в Китае, но и там, в среднеазиатских городах), затем переваливал через Северный Памир к Кашгару и Яркенду; здесь он раздваивался, обходя с севера и юга пустыню Такла-Макан, и сходиллся у озера Лобнор, оттуда шел в степи, населенные кочевыми народами, и далее в Китай.

Арабские историки тех времен считали, что от Красного моря до Китая двести дневных переходов. Реально же никто не мог так быстро проделать этот путь, потому что любой караван должен был останавливаться в городах и в оазисах, вести там торговлю. В дороге путников встречала непогода, зимой никто не решался проходить через Гоби, да и вечные войны и вражда государств, каждое из которых было заинтересовано в доходах с торгового пути, отнюдь не способствовали скорости движения караванов. Так что на самом деле путешественник, чтобы добраться, скажем, из Генуи или Тира до Китая, тратил два-три года.

Объем торговли на Великом шелковом пути был, даже по нынешним меркам, весьма велик. Там шли не случайные спутники с тюком шелка. Надежнее и безопаснее было собираться в большие караваны, которые насчитывали сотни

купцов, имели солидную охрану и тысячи вьючных животных. Магнаты, которые правили этой торговлей, были столь богаты, что, к примеру, один из них, вернувшись из Китая, на свои деньги выложил золотыми листами бассейн для омовения в Мекке. Многочисленные оазисы и города вдоль пути жили пошлинами, которые собирали с купцов, и доходами от караванов, что останавливались там.

До сих пор археологи не перестают удивляться, находя в самых неожиданных местах предметы, попавшие туда издалека по Великому торговому пути. Это и сасанидские серебряные блюда в тайге Северного Урала, и китайские фарфоровые чашки в предгорьях Кавказа, и нефрит в Ирландии. Торговый путь был горячей артерией Средневековья, источником товаров и информации, предметом раздоров и войн. Одной из причин экспансии державы Чингисхана было стремление господствовать на Великом торговом пути, а рыцари-крестоносцы шли освобождать гроб Господень, не подозревая зачастую, что их толкают к завоеванию Святой земли венецианские и генуэзские купцы, желающие контролировать важнейшие перевалочные порты Средиземноморья.

Лишь в своей средней части — в Центральной Азии — Великий торговый путь был сравнительно узок и един. Далее, к концам, он дробился на множество ответвлений, которые разбегались к городам и странам. С одной стороны они заканчивались у берегов Ирландии и норвежских фиордов, в Португалии и Дании, в Суздале и у Уральских гор, а с другой — тянулись к Японии, к островам Пряностей за Индонезией, к Цейлону и Филиппинам. От каждого истока пути, как бы ни был он мал, текли товары, от каждого начинался ручеек, который вливался потом в основной путь.

Существовали и побочные дороги, порой весьма оживленные и важные. Например, морская дорога вдоль побережья Северной Европы, одним из важных пунктов на которой был Новгород, и далее, по рекам, путь «из варяг в греки» или путь от Аравии к Южной Индии и далее к Малайскому архипелагу, а от него вокруг Вьетнама к Южному Китаю. Эти пути так или иначе были связаны с Великим шелковым путем, питались им и питали его.

Великий шелковый путь часто определял не только политику и судьбу государств и народов, но и жизнь отдельного человека, который мог и не подозревать о том, что на свете есть Китай или Япония, Ирландия или Норвегия. Он в значительной степени определил и судьбы героев этой

книги — Ричарда Львиное Сердце, который отправился освобождать Иерусалим, и молодого Тэмучжина (будущего Чингисхана), царицы Тамары и северского князя Игоря. Правда, влияние пути на судьбы людей часто было настолько сложным и опосредованным, что необходимо построить длинную логическую цепочку причин и следствий, пока доберешься до конкретного человека.

Впрочем, это и необязательно делать.

Факт существования Великого торгового пути установлен, и можно двинуться вдоль него, останавливаясь, подобно путникам, в городах и замках, на постоянных дворах и возле военных лагерей.

Мир конца XII века, каким он показан в этой книге, сходен с вечерним городом. В некоторых окнах горят огни, и, если шторы не задернуты, мы можем туда заглянуть. В других света нет, но это необязательно означает, что комнаты пусты: может быть, их обитатели спят. Те сцены, что предстали нашему взору, позволяют получить представление о жизни города в целом.

В рамках общих законов развития средневекового общества рождались, жили, гибли многие народы. В городах трудились художники и поэты, строители и философы. Но по разным причинам информация, прорвавшаяся к нам через восьмисотлетнюю толщу времени, недостаточна и неодинаково равноценна. Причин много. И неравномерное развитие государств, и то, что одни из них сохранились по сей день и даже сберегли свои архивы и документы, а другие исчезли. Одни, как Ангкор, канули в небытие, но от них сохранились великолепные памятники. От других не осталось и следа. Названия их почерпнуты из летописей соседних стран.

Цель этой книги — не воссоздать строго научную историческую картину мира, а рассказать о людях, которые тогда жили, о творцах и жертвах истории. Следовательно, речь пойдет лишь о тех освещенных окнах, которые не закрыты шторами...

Остается лишь один вопрос: откуда начать путь?

Здесь выбор достаточно велик, и определяется он чисто субъективными факторами. Исходным пунктом путешествия и повествования я сделал страны Юго-Восточной Азии — один из дальних истоков Великого торгового пути.

Страны Юго-Восточной Азии подобны виноградной грозди, повисшей на южной ветви Великого шелкового пути. Это комплекс государств, связанных между собой торговыми, политическими и культурными узами. Им были свойственны общие черты. Они заимствовали у Индии религию — индуизм или буддизм, концепции государственной власти, письменность, многие приемы в строительстве и архитектуре, принципы искусства, даже мифологические мотивы и литературные жанры. Постепенно там укреплялась местная власть, связи с Индией становились все менее ощутимыми. Вместе с тем в них долго сохранялось индийское влияние в духовной жизни (куда большее, чем влияние китайское, хотя Китай периодически претендовал на верховную власть над ними).

Из государств, возникших на южном морском торговом пути, самой знаменитой, могучей и долговечной была островная империя Шривиджайя, которая включала Суматру и часть нынешней Малайи и контролировала проливы, ведущие из Бенгальского залива и Андаманского моря в Тихий океан. Государство это то усиливалось, то теряло часть владений, входило в союзы с властителями Южной Индии и Цейлона, подчиняло себе государства Индокитайского полуострова. Оно владело множеством островов и морских портов. Сила его заключалась во флоте, самом могучем в Азии. Китайский пилигрим, побывавший там в XII веке, писал, что Шривиджайя — «важный перекресток для торговли иноземных народов, где встречаются товары из всех стран и где они хранятся на складах для иноземных судов». А если «какой-нибудь иностранный корабль, проходящий мимо, не заходит в порт, вооруженная стража снаряжается в погоню

и убивает экипаж и команду корабля до последнего человека».

В конце XII века Шривиджайя контролировала почти весь Малайский архипелаг, лишь на Яве существовали другие государства (впрочем, они не оставили о себе памяти). В портах Шривиджайи бросали якоря корабли китайские, цейлонские, кхмерские, тямские, вьетские, арабские. Везли они сандаловое дерево и слоновую кость, золото, серебро и олово, железо и лак, рис и пшеницу, фарфор и пряности. Эти и многие другие товары перечислены в записках любознательных китайских пилигримов.

Шривиджайя, государство знаменитое и могучее, тем не менее для нас подобна окну, закрытому плотной шторой. О Шривиджайе повествовали гости. Сама же эта держава ничего о себе не рассказала. И не оставила памятников — ни литературных, ни архитектурных. Археологи лишь приступают к раскопкам в тех краях.

Впрочем, этому можно найти объяснение: Шривиджайей правили купцы и солдаты. В ней было множество морских портов — иначе не сохранить контроль над торговым путем. Зато собственное хозяйство было развито слабо, и за стенами крепостей и городов простирались леса, населенные племенами охотников и рыбаков.

Мы не знаем ничего достоверного о людях Шривиджайи. Следовательно, раз наша книга не об экономических проблемах и не о социальных законах, мы минуем Шривиджайю и перекочем на Индокитайский полуостров, где процветали в XII веке Паган и Ангкор.

В мире совсем немного мертвых городов, которые не забыты, не съедены лесом, как Ангкор или города майя, не разрушены завоевателями и временем, не погребены под новыми жилищами.

Паган же — редчайшее исключение.

Последние жители покинули его в XIV веке, умирание города растянулось на столетие, но никто не посмел тронуть его дворцов и храмов. Да и не было в тех краях яростных завоевателей, желавших изгладить память о Пагане. Неподалеку возникали новые столицы и росли новые государства. Среди храмов, на месте сгоревших или сгнивших деревянных домов, дворцов и монастырей, появились деревушки, бывшие площади и улицы города превратились в поля. Но не погиб народ, не умерла религия, которой были посвящены храмы, и оттого потомки жителей

Пагана с почтением и удивлением относились к громадам, воздвигнутым его царями. Не разрушаясь, ибо был построен на редкость крепко, превратившись в легенду, Паган продолжал существовать, и любой человек, проплывавший по могучей Иравади, видел белые и бурые силуэты храмов. А если он был бирманцем, то помнил с детства и названия храмов, и имена строителей. Правда, с течением времени все связанное с Паганом отрывалось от исторической действительности и становилось преданием: за именами скрывались не конкретные люди, но герои древности, замыслы и поступки которых соотносились в сознании потомков с красотой и величием их творений.

Каждая вторая бирманская сказка начинается словами: «Это было в Пагане». Там жили великие герои и знаменитые поэты, мудрые короли и коварные злодеи.

Паган — это крупнейший в мире мертвый город, который никто никогда не терял, никто никогда не забывал, и, тем не менее, его уже в наши дни пришлось открывать заново, чтобы вернуть истории.

Мне кажется правильным (хотя, может быть, и недостаточно эстетичным) сравнить Паган со скелетом некогда жившего существа, кости которого отполированы ветрами и дождями. По ним дотошные ученые могут восстановить внешний вид этого мастодонта, хотя наверняка ошибутся в деталях, в частности. Костяк города — храмы — лишен плоти: домов, улиц и площадей, базаров, постоянных дворов и садов. Даже самый маленький из храмов, который некогда прятался в тени манговых деревьев и возникал перед путником внезапно, так как увидеть его можно было лишь вблизи, теперь виден издали: он стоит на голой равнине. Мы можем оценить его пропорции и точность линий, но никогда не увидим и не поймем его в живой сумме строений и деревьев живого города. Потому требуется немалое воображение, чтобы представить себе, какой же была столица первого бирманского государства в 1185 году.

Бирманцы, построившие Паган, пришли в долину великой реки Иравади в IX веке. Они спускались с гор, стеной отделявших Бирму от Китая, и селились на жаркой сухой равнине, оттесняя к югу или поглощая племена, занимавшие ее раньше. Паган, который тогда был, очевидно, небольшой крепостью, лежал несколько в стороне от их первоначальных владений, но вскоре стал предметом спора между бирманскими вождями, так как располагался на берегу Иравади — главного торгового пути. Оттуда можно было

спуститься до самого моря, где стояли богатые города монов — народа, заселившего юг Бирмы за несколько веков до бирманцев. Паган стал форпостом государства, долины, в которых обосновались бирманские племена, — тылом, резервом.

Объединить Бирму и создать государство, которое вошло в историю под именем Паганского, суждено было бирманскому вождю Анорате, который укрепился в Пагане в середине XI века и в течение последующих двадцати лет предпринял несколько удачных походов на юг. Оттуда, из завоеванных монских городов, он привез в столицу каменщиков и художников, буддийских монахов и, что было немаловажно для последующей истории Бирмы, буддийские рукописи. Буддизм стал официальной религией нового государства, сменив первобытные анимистические верования, которых придерживались бирманцы до этого.

В течение последующих десятилетий Паган превратился в одно из самых крупных государств Юго-Восточной Азии. Иравади была важной торговой артерией, южные морские порты располагались на пути из Индии к странам Южных морей. Сильное государство строило каналы, водохранилища, плотины, поэтому поля Бирмы давали обильные урожаи, и население быстро росло. Но вот расширить границы Паганское государство не смогло: мешал географический фактор. С трех сторон Бирма окружена труднопроходимыми горами, и лишь на юге низменность переходит в море. Покорение соседних стран — это обязательно переход через горы. Такие походы были и в паганские времена, и позднее. Но как только бирманская армия уходила через перевалы, она оказывалась отрезанной от резервов, снабжение ее становилось трудным делом, и в конце концов, какими бы ни были внушительными военные успехи, рано или поздно ей приходилось отступать: Бирма оставалась за горами и непроходимыми лесами и не могла оказать помощи. А мореходами бирманцы, народ сухопутный, оказались посредственными, сильного флота у них никогда не было.

Паганское государство было богатым и сильным. В руках королей и знати скапливались немалые богатства. Богатства следовало использовать. Если еще недавно бирманские вожди устраивали знатные пиры, то теперь, в стране централизованной, могучей, никакими пирами прибавочный продукт не уничтожишь. И, как везде в мире на этом этапе социального развития, именно религия дала стимул к грандиозным тратам. Началось строительство храмов и пагод,

которые должны были стать «заслужкой» в следующем рождении государя или вельможи, улучшить его карму, зависящую от добрых дел во славу буддийской религии.

И вот с середины XI века на берегу Иравади среди деревянных хижин, монастырей и дворцов стали подниматься кирпичные громады храмов. Они возникли как бы сразу, это был взрыв творческого гения паганских зодчих. Уже первый из больших храмов — Ананда, построенный королем Тилуин Маном и освященный в 1091 году, стал одним из самых выдающихся архитектурных памятников Азии. А ведь прошло всего пятьдесят лет с момента образования Паганского государства.

Всего в Пагане было построено за двести пятьдесят лет его существования немало храмов, пагод, храмиков и других каменных сооружений (по разным данным, от двух с половиной до пяти тысяч), и, разумеется, далеко не все сохранились.

Строительство большого храма было общегосударственным предприятием. Такой храм — главное дело жизни государя, причем не каждый из них мог себе это позволить. По крайней мере, последние полвека существования Паганского государства — период его упадка — не знают ни одного большого храма: короли были бессильны собрать столько средств и строителей, чтобы прославить свое имя достойным образом.

Большой храм — это гигантское сооружение, высотой шестьдесят-семьдесят метров, выше современного двадцатипятиэтажного дома, со сложной системой внутренних помещений, со статуями и фресками. Есть в той же Бирме пагоды, которые выше храмов, но это постройки типа египетских пирамид — правильно организованные груды кирпича, без внутренних помещений.

Храмы Пагана — своего рода революция в восточноазиатской архитектуре. Их конструктивная основа — широкое применение арок и сводов. Именно это и позволило храмам дожить до наших дней, несмотря на время и стихийные бедствия, главным образом землетрясения. А землетрясений в Бирме бывает немало, и очень сильных. Последнее, катастрофическое, в 1974 году, повредило ряд храмов, в том числе храм Ананда, повредило, но не разрушило.

Как могло произойти, что пришедший с гор небольшой народ, никогда раньше не имевший традиций каменного строительства, сразу после основания первого своего

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.